

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-61-70

ГЕО ЙИМАН. О РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация.

Впервые на русском языке публикуется адаптированный перевод работы американского политика Гео Йимана «Революции. Лекция» (*Revolutions. A Lecture*). Данная работа представляет несомненный научный интерес для историков, социологов и политологов в силу того, что это одна из первых теоретических работ о революциях как социально-политическом явлении, и целый ряд положений концепции Йимана оказал влияние на развитие теории революций в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Гео Йиман, революция, теория революции

GEO YEAMAN. ABOUT REVOLUTION

Abstract.

This is the first Russian adapted translation of a work by the American politician Geo Yeaman's "Revolutions. A Lecture". This is one of pioneer theoretical works on revolutions as a socio-political phenomenon. A large number of statements advanced by Yeaman had an influence of the development of the theory of revolutions in the 19th–21st centuries. Consequently, this work is undoubtedly of great scientific importance for historians, sociologists and political scientists.

Keywords: Geo Yeaman, revolution, theory of revolution

Период Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) дал сразу две работы по теории революции. Гео Йиман и Джозеф Кларк с разницей в год: первый – в 1861 г., второй – в 1862 г., дали публичные выступления о своем видении революций, которые были опубликованы в виде небольших брошюр. И Север, и Юг в этой Гражданской войне стремились использовать образ Американской революции (1776–1783 гг.) – войны за независимость США (или войны Американских колоний с Англией). И те, и другие пытались показать связи своих позиций и своей стороны с революционной Америкой 1776–1783 гг. И те, и другие постарались показать, что их противник не имеет никакого отношения к революции: с позиций южан Север – это тираническая власть, с позиций Севера южане – это незаконное восстание против легитимной власти, которое не имеет ничего общего с революцией и борьбой за справедливость. Эта политическая борьба и дала теоретические построения о сущности такого явления, как революция.

Джордж Хельм Йиман (*George Helm Yeaman*) (1829–1908) (на публикации публичных лекций подписан как Гео Йиман – *Geo H. Yeaman*) служил представителем штата Кентукки в Палате представителей с 1861 по 1865 гг., а затем – послом США в Дании (ушел в отставку в 1870 г.).

Будучи южанином, Йиман в своей публичной лекции в 1861 г. отстаивает права Юга на борьбу с «деспотизмом Севера» и приводит основания легитимности этой борьбы и права называться ре-

волюцией. Кроме того, что данный источник представляет интерес с точки зрения исторического контекста и политических теорий периода Гражданской войны в США, особую значимость имеют и концептуальные построения автора с точки зрения теории революции, так как он разбирает понятие «революция», рассматривает его как особое социально-политическое явление и выстраивает теоретическую концепцию сущности революций, их причин и места в истории человечества.

Сокращенный и адаптированный перевод выполнен по изданию *Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, KY: Morton & Co., 1861. 37 p.* Переводчик, автор примечаний Э.Э. Шульц

Джордж Йиман. Лекция о революциях

Дамы и господа!

Сегодня вечером я предлагаю представить Вашему вниманию несколько замечаний общего характера по теме Революций.

Революция в механике или точных науках – это выполнение данным объектом полного круга вокруг заданного центра. Революция в правительстве не обязательно является полным поворотом или переходом от одного условия к другому, от одного положения или принципа к противоположному этому положению или принципу; и тем не менее, как мы будем иметь возможность наблюдать в ходе этой лекции, как часто бывает, что при осуществлении этого изменения движение выходит далеко за рамки точки, на которую сначала нацелены его авторы, и как и осуществление революции в материальном мире, оно приземляется в точке, где началось. Так, например, часто случалось, что попытка сбросить тиранию была настолько жестокой по своему характеру, что исчерпывала энергию народа и оставляла этот народ в состоянии субъекта, подходящего для господства, более того, желающих такого состояния.

Революция в правительстве – это изменение либо династии (лиц, в чьей ответственности было выполнение работы правительства), либо изменение формы и базовых принципов формы правления. Последнее – тот принцип, с которым мы будем подходить сегодня вечером, так как простая смена губернаторов может осуществляться монархиями или деспотическими режимами с сравнительным

безразличием к управляемым. А противоборствующие группировки, которые борются за правление, могут даже вести кровавую и затяжную войну за достижение своих целей, и тем не менее, в конкретном результате ни одна из сторон (хотя и может сильно пострадать в междоусобице) не выигрывает и не страдает от победы.

Революция, о которой я хочу говорить, – это не просто смена лиц во главе правительства, а изменение характера и формы самого правления. И я ограничу и сужу определение еще одним отличием: Что это изменение, к которому стремится народ или какая-либо партия народа, которое не предоставляется правительством, а осуществляется и получается либо силой оружия, либо, если делается мирно, тем не менее, в порядке, противоречащем и не предусмотренном установленными законными формами. Это отличает его от законодательной или конституционной поправки. Если это будет сделано силой, то это может быть сделано при поддержке армии и других правителей, и, тем не менее, не будет связано народу стремлением или жадной властью этих правителей. Это отличает это явление от завоевания.

С этой точки зрения, завоевание Англии Вильгельмом Нормандским¹ не

¹ Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027/1028 – 9 сентября 1087) – герцог Нормандии (с 1035 г.), король Англии (с 1066 г.). Вторжение армии Вильгельма Завоевателя в 1066 году, привело к покорению Англии и получило название «Нормандское завоевание Англии».

было революцией, так как, хотя оно и привело к полной смене правителей и частичной смене формы правления, оно ни искалось народом, ни принято с охотой и желанием.

Союз Англии и Шотландии не был революцией. Хотя этот союз и был осуществлен частично с помощью силы и частично – с помощью переговоров и несколько изменил оба правительства, однако, оставил эти правительства в неизменном состоянии в отношении к народу.

Разделение Римской империи, последовавшей за перемещением столицы с берегов Тибра в Константинополь, и дальнейшее расчленение всей структуры, последовавшее за вторжениями северных племен, не были Революциями в том смысле, в каком мы здесь сегодня рассматриваем, потому что, хотя эти события и меняли и правила, и формы, они являлись результатом внутренних дефектов и внешних сил.

Революция, о которой я говорю, – это изменение, осуществленное народом, главной частью управляемых в любой стране, и это изменение всегда провозглашается и, как правило, является (хотя и не всегда) стремлением народа или основной партии к улучшению положения, к большей свободе, к лучшей защите. В науке о государственном управлении свобода и защита – почти (если не полностью) синонимичные понятия. Существует много явлений, которые производят изменения в государственном управлении или в состоянии управляемых, но которые не являются революциями, по крайней мере в том смысле, который мы сейчас используем.

Судорожные и длительные усилия Европы по освобождению Святой Земли от владения и господства неверных сарацин не несли в себе первой характеристики Революции: хотя это и было внезапным, великим и продолжительным изменением в направлении энергии народов всего континента, и хотя это движение действительно оказало большое и долго-

срочное воздействие на правительства, империи и королевства, но это были усилия не одного народа, а многих народов, и были направлены не на собственное состояние, а на состояние другого народа, и как и все другие великие и жестокие упражнения ума, страстей или тела, привели не к ожидаемым результатам, и не к тем, которые ставились целью организаторами.

Постепенное вымирание феодальной системы, продолжающееся уже пять веков, не является революцией, потому что этот процесс был слишком постепенным, был произведен по причинам, которые еще не до конца не оценены, и потому, что этот процесс происходил одновременно во многих странах (особенно в двух королевствах наследственного антагонизма: в Англии и Франции), и потому, что это постоянное и продолжительное стирание феодальных черт еще не полностью произведено и они сохраняются (хотя и модифицированы и смягчены).

В таком взгляде на тему, рассматривая Революции как усилия масс по улучшению своего состояния (а они и должны так рассматриваться, какими бы ошибочными или безнравственными они не были в каждом конкретном случае), очевидно, что такие революции представляют собой гораздо более заметную особенность современной, нежели древней истории.

У древних были свои перевороты и изменения, но они были в большей степени поглощены физическими изменениями, или изменениями, вызванными физическими причинами и силами, чем разумными усилиями или восстанием масс, вызванным нравственным брожением.

Наука государственного управления (отличающаяся от простого осуществления власти одного или нескольких и подчинения этой власти многими другими) есть изучение природы и объектов управления, а также отношений, которые существуют или должны существовать между правителем и управляемыми

лицами, или, точнее, между защитником и защищаемыми лицами, и является если не современной по своему происхождению, то совершенно современной по своему прогрессу и развитию. Эти вещи теперь бесконечно лучше понимаются массами, чем раньше, и как следствие, действие интеллекта в направлении данного предмета является гораздо более заметной чертой в современной истории, чем в прежние времена; и революции, будь то насильственные или мирные, будут и впредь повторяться.

Почти бесконечное количество изменений как династических, так и материальных форм правления, найденных в древней истории, почти все были произведены либо в результате внешнего принуждения, приведенного в действие иностранными державами, или от внутреннего столкновения, вызванного насильственными контактами различных каст, как в случае с плебеями и патрициями Рима, или между честолюбивыми лидерами одной и той же касты, как это часто происходило в греческих республиках.

Также, как уже отмечалось, суть такого рода революции заключается в том, чтобы власть активно сопротивлялась или, если не сопротивлялась, то была получена теми, кто претендует на нее, таким образом и с помощью форм и мер, которые не предусмотрены и противоречат существующему порядку вещей.

Тщетно говорить о законности революции. Когда они оправдываются вообще, то оправдываются необходимостью и моральным суждением человечества. Власть, где вся идея правления выражена в слове «Корона», может пойти на уступки подданным по их молитве или прошению. А там, где правительство – это орган власти граждан (как у нас) и во многом зависит в своей стабильности от мнения граждан, и может быть изменено, когда общественное мнение приводит к конституционным изменениям.

Но это скорее в природе реформ, а не революций.

Ограничиваясь таким взглядом на предмет, становится очевидным, что мы имеем три великих репрезентативных примера революций в современной истории (на самом деле – за всю историю), и это – Английская революция 1640 года, Американская революция 1775 года и Французская революция 1789 года. Как будет отмечено, я не просто так указал даты этих событий по времени их первого проявления и начала активностей. Английская революция не была завершена созданием Содружества в 1648 году¹. Американская революция официально не провозглашалась до 1776 года и окончательно не увенчалась успехом до 1783 года. Французская революция не завершилась воцарением террора при Робеспьере, Дантоне и Марате и только в 1793–1794 годах все-таки начала отступать: отступать, пока не докатилась до того, что постановления Первого консула 1801–1803 годов завели еще дальше, чем отправная точка, чему последовало новое поставление короля Франции союзными армиями в 1815 году.

Конечно, я не буду пытаться подробно обсуждать эти три революции ни вместе, ни по отдельности; так как захватывающие события и серьезные уроки каждой из них не могут быть сведены в узкие пределы одной лекции.

Я буду ссылаться на них только тогда, когда, как мне думается, они или некоторые из их особенностей, принципов и событий могут быть использованы для иллюстрации общего предмета в руках либо в применимых к нему принципах, либо в вычетах из его рассмотрения.

Определив (возможно, слишком подробно) точный предмет исследования, который я называю Революцией, первой нашей отправной точкой, с которой мы начнем разбор темы, станут Авторы Революций.

¹ *Commonwealth of England* – англ., в буквальном переводе «Английское содружество», позднее – «Содружество Англии, Шотландии и Ирландии» – т. н. «Английская республика», просуществовавшая с 1649 по 1660 годы.

Любая политическая власть, даже самая деспотичная, зависит, в конце концов, от мнений и убеждений тех, кто использует и осуществляет эту власть в республиках и демократиях, и в равной степени – от мнений и убеждений тех, кто подчиняется власти и в деспотичных правлениях. Ни одно правительство давно не выдерживает давления враждебно-общественного мнения.

Теперь, когда вся политическая власть зиждется на ее происхождении и поддержке общественного мнения, и посему не может быть Революции, за исключением случаев, когда совокупность мнений идет вразрез с существующим порядком вещей, то авторы Революций – это те, кто осуществляет, кто формирует, кто направляет это мнение.

Далее, что касается прав революции. Право революции является абсолютным и совершенным; на языке нашей собственной Декларации независимости, “люди наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; среди них жизнь, свобода и стремление к счастью; и для обеспечения этих прав между мужчинами были созданы справедливые полномочия из согласия управляемых; всякий раз, когда какая-либо форма правления становится разрушительной, народ имеет право изменить или упразднить ее и создать новое правительство, заложив его основы на таких принципах и организовав свои полномочия в такой форме, которая, с их точки зрения, скорее всего, повлияет на его безопасность и счастье.

Это право, вытекающее не из какой-либо конституции или формы правления, а из природы. Применяется к общинам аналогично праву и обязанности самосохранения у отдельных лиц. Это прежде всего человеческое правительство, потому что это дар Бога человеку, и потому, что, по нашей теории, это Создатель, а не создание законов, и это в основании нашей системы. Без Создателя

у нас не было бы ни независимости, ни конституции, ни союза; без благотворного влияния существования права (даже если оно используется не в полной мере), свобода не выдержит полвека ни в одной части мира. Это неотчуждаемо, точно так же и части одного целого, как душа человека неотчуждаема от тела.

Человек может злоупотреблять правом, он может сделать его жалким, он может осуществлять свои полномочия, разрушая свое счастье, но он не может разрушать, сдавать или продавать его. Это часть его природы, а не часть его приобретенных прав. Это так же, как и право дышать воздухом, в котором мы движемся, и использовать солнечный свет небес для восприятия красоты и практической полезности вещей вокруг нас. Основание этому в природе вещей.

Это право превосходит преданность гражданина своему правительству, потому что своими действиями он сделал свое правительство, и потому что своими действиями он может его снять. В массах оно является таким же высшим, как и право на самооборону у индивидуумов.

Далее о причинах революций. Причина того или иного изменения в любой вещи почти всегда может быть установлена путем наблюдения за природой измененной вещи, а также масштабов и характера осуществленного изменения, как и путем нахождения исторической взаимосвязи с причиной. Это верно в нравственности, в истории и в материаловедении, что эффект указывает на причину с почти такой же уверенностью, как причина указывает на эффект. Каменистая скала, наклонные и смешанные слои, чёрная, запутанная масса указывают на большую жару и мощные колебания, в то время как гладкая и блестящая галька указывает на истирание и полирующее трение тысячи лет.

Монополии, титулы, привилегированные классы, недостаточная защита, непомерное налогообложение были тем злом, которое подтолкнуло французов к

усилиям, поначалу справедливым и мужественным, по улучшению своего правительствa. Налоги, главным образом на мелкие бумажные и чайные изделия, налоги, взимаемые без представительства – взимаемые теми, кто их не платил, и недостаточная защита колоний со стороны правительства метрополии привели к петициям, выражениям протеста, Лексингтону, Бункер-Хилл, Независимости. В декларации причин эти три фигурируют: «за введение налогов для нас без нашего согласия»; «он отрекся от правительства здесь, объявив нас вне своей защиты и ведя войну против нас»; «он взбудоражил внутренние восстания среди нас и попытался предать жителей наших границ безжалостному индийскому дикарю, чьи правила войны зиждятся на истреблении всех, вне зависимости от возраста, пола и иных условий»; и вы увидите, что все причины, упомянутые в этом заявлении, могут быть отнесены к двум группам: чрезмерного бремени и недостаточной защиты.

Хотя эти вещи были справедливыми причинами справедливых революций, они также, благодаря крайнему интересу, ощущаемому к ним массами, были извращены плохими людьми и стали двигателями страшной силы. Отсюда проистекает необходимость очень пристального изучения как в отношении авторов, так и реальных причин революции.

Еще один плодотворный источник революций – великое, почти преступное пренебрежение общественными делами самыми лучшими представителями общины. Будьте уверены, что если вы не будете управлять страной, другие будут, и если она не будет управляться хорошо, она будет управляться плохо.

Далее, что касается морали революций. Это вопрос частично решен при разбирательстве нами с правами и причинами революций. Но не всегда нравственно делать то, что мы имеем право делать. Можно в общих чертах сказать, что революция имеет моральное право, когда она

необходима. Кому судить о нравственности или необходимости движения? Тем, кто затевает движение, или сопротивляющейся власти, или беспристрастному миру вокруг? Мир, все человечество, заседающие в качестве великого суда и выносящие свой вердикт на страницах истории, по необходимости и по праву претендует на то, чтобы стать окончательными судьями этого вопроса.

Далее, когда необходима революция, отличающаяся от реформ или конституционных изменений? Когда это целесообразно? Есть время для всего. Когда это время? Общий ответ таков: «когда в ходе человеческих событий становится необходимо». Более конкретный ответ заключается в том, что «благоразумие, действительно, будет диктовать, чтобы давно созданные правительства не менялись по легким или временным причинам; и, соответственно, весь опыт показывает, что человечество более склонно страдать, в то время как зло является невыносимым, чем освободиться, отменяя те формы, к которым оно привыкло. Но когда длинная серия злоупотреблений и узурпаций, преследуя неизменно одну и ту же цель, стремится ослабить людей под абсолютным деспотизмом, то это правильно, тогда это обязанность – сбросить такое правительство и обеспечить новую охрану своей будущей безопасности. Таково было терпеливое страдание наших Колоний, и такова теперь необходимость, которая обязывает их изменить прежние системы правления». «На каждом этапе этих притеснений мы ходатайствовали о возмещении ущерба в самых скромных выражениях. На наши неоднократные петиции ответили только неоднократным ущербом». «Мы также не желали внимания нашим британским братьям. Мы также не желали такого поворота событий с нашими британскими братьями. Мы постоянно предупреждали их от попыток их законодательного органа распространить на нас необоснованную юрисдикцию. Мы напоминали

им об обстоятельствах нашей эмиграции и оседлости здесь. Мы обращались к их справедливости и великодушию, напоминали об узах нашего родства, чтобы они отrekliсь от узурпации, которая неизбежно рушила наши связи. Они тоже глумились над голосом справедливости и родства. Они глумились над голосом справедливости и родства. Поэтому мы должны были примириться с необходимостью разделения и отношения с ними такого же, как и со всем человечеством: враги в войне, друзья в мире».

Причины революций не всегда будут учитывать особенности их управления или развития. Считается, что те, кто начинает революции, редко заканчивают их. Мы могли бы пойти дальше и сказать, что те, кто начинает их, редко проводят их, а те, кто ведет их, редко заканчивают их. Английская, но особенно Французская революция были примерами истинности этого правила, в то время как Американская революция была славным исключением. Почему те, кто привел в движение Французскую революцию, были убиты теми, кто ее проводил, а те, кто призывал ее вперед, были уничтожены теми, кто ее завершил? С другой стороны, почему те, кто воевал у Бункер-Хилл, захватили город Йорк; те, кто планировал в Филадельфии, повзрослели в Аннаполисе и Вашингтоне; и те, кто впервые подал голос о Независимости, были теми же, кто повел этот государственный корабль в плавание? Причины будут легко понятны при обсуждении прогресса и тенденций революций.

Мы уже говорили, что революции никогда не идут назад. При первом взгляде на этот предмет, утверждение кажется верным, однако при внимательном рассмотрении представляется, что это совершенно не соответствует действительности. Если имеется в виду, что авторы и действующие лица революции добровольно не отказываются от своей цели, то это правда. Если это означает, что они никогда не побеждаются и даже

не контролируются оппозицией и обстоятельствами, то это не соответствует действительности. Если имеется в виду, что успешные перемены не радуют тех, кто их требовал, а скорее побуждают их предъявлять еще более серьезные требования, то это в целом верно, но не всегда так. Если под выражением, что они никогда не идут назад, подразумевается простой факт, что они собирают силы и последователей только тогда, когда идут вперед, – то это истинно.

Американская революция не пошла назад, но неуклонно, хотя и медленно, двигалась вперед к выполнению своего первоначального замысла, а затем остановилась. Она не вышла ни на один шаг дальше и, возможно, по этой самой причине не отступила в сторону того места, где она началась. Не так с англичанами и французами. Если казнь Карла I и создание Содружества сделали одну революцию, а свержение Содружества и протектората Кромвеля сделали еще одну революцию, а призыв и коронация Карла II снова совершили еще одну – третью – революцию, то ни одна из этих революций не двигалась в обратном направлении к изначальной точке. Но если все эти события рассматривать как части одной грандиозной драмы (а они являлись и таковыми должны считаться), то эта драма все-таки прошла путь к своим истокам.

Если пересмотр системы трех сословий, учреждение Конвента, отмена монархии и обезглавливание Людовика будут рассматриваться как первая французская революция, а роспуск Конвента¹ и создание Директории² и империи – как очередная революция; и если свержение императора и Империи на поле Ватерлоо, с последующим восстановлением династии Бурбонов и интронизация Лю-

¹ Высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики во время Великой французской революции, действовавший с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г.

² Правительство Французской республики с 4 ноября 1795 г. по 10 ноября 1799 г., состоявшее из 5 членов.

двигая XVIII на штыках союзных армий, составляли третью революцию, – тогда ни одна из них не вернулась к исходной точке, хотя каждая двигалась в направлении, отличном от других. Но суждения человечества не так разделили великую трагедию мировой истории. Приговор истории и здравого смысла был вынесен и утвержден, и этот вердикт заключается в том, что все эти события являются лишь частью одного большого целого, причем каждая часть тесно и неразрывно связана с другими в отношениях причинно-следственных связей; все эти части составляют Французскую революцию, и Французская революция в своем движении действительно вернулась к исходной точке.

И таким образом, как мы заявляли в начале, революция в форме правления, как революция в механике, иногда идет по кругу, и останавливается либо там, где она началась, либо в худшей точке. Конечно, это не обязательно ни для завершения определения движения, ни для достижения его целей.

Смертельная ошибка, слишком часто совершаемая революционерами, заключается в том, что они не могут изменить свое правление, не уничтожив его; словно старый семейный особняк нельзя восстановить, не разрушив до основания. Акт уничтожения старого всегда предшествует акту замещения и строительства нового правительства.

В качестве доказательства того, что я не ошибаюсь, говоря, что безумие может стать национальным, вспомните, что некоторые из самых яростных и кровавых духов Царства Террора¹ были людьми, которые до и после этого времени были самыми тихими и терпимыми людьми в частной и общественной жизни.

Французы начали свою Революцию для исправления ошибок – ошибок, которые мучительно требовали исправления. В попытке сдержать неумеренность политики своего правительства они на-

¹ Период якобинской диктатуры.

чинают громко выступать с лозунгом “Права человека”. Идея была новой и радующей слух, и, как новая идея, была подхвачена и развита и доведена до лозунга “Свобода, Равенство, Братство”. Вскоре их взволнованным умам стало очевидно, что не может быть свободы там, где есть какая-либо сдержанность, не может быть равенства там, где есть какие-либо титулы и привилегии, и нет братства, где одни имеют больше мирских утешений, чем другие.

Эти идеи, вкуче с некоторыми военными успехами, свели на нет французский характер: быстрый, блестящий, нервный, импульсивный. Не довольствуясь теперь сдерживанием излишеств в политике правительства, они, естественно, теперь стремились полностью перестроить это правительство. Преуспев в этом, они должны были остановиться. Но теперь начинаются их ошибки и несчастья. Логика ума уступает место логике страстей и чехарде событий. Правительство, которое в последнее время нуждалось только в небольших улучшениях, теперь выглядит пригодным только для уничтожения; и, как и в случае с англичанами, свержение монархии не считалось полным до тех пор, пока ее представители не были предложены в качестве светлой жертвы демону анархии: Людовик и Мария² были гильотинированы на глазах ротозействующей толпы.

Давайте перейдем от этих обескураживающих сцен к нашей собственной Революции. Американская революция была таким успехом, который не имел аналогов в мире. Успешная, но без революционных излишеств; уравновешенная, но без суровости; устойчивая, но без жестокости; энергичная, но без суеты и суматохи; она шла стабильно, медленно вперед к той точке, на которую была нацелена, а затем остановилась. Эту Революцию не искали, но искренне и честно избегали до последнего, приняв как крайнюю необ-

² Людовик XVI и Мария-Антуанетта, король и королева Франции, казненные 21 января 1793 г.

ходимость. Сопrotивление началось не потому, что введенный налог сделал бы наше население нищими, а потому, что подчинение ему сделало бы их рабами. У них были «миллионы на оборону, но ни цента на дань». Они начали не с того, что стали бороться за новые права и большую свободу, а лишь с того, чтобы сохранить те права, на которые они тогда имели право. Эти усилия были продолжены в течение многих лет, и были предприняты в Британской империи, не выходя за ее пределы. В Лексингтоне и Бункер Хилле сражались люди, которые с удовольствием сложили бы оружие и присягнули на верность Георгу¹, если бы Север отменил налог, а парламент разрешил им собственные законодательные собрания.

Союз колоний с Великобританией был распущен только тогда, когда петиции, увещевания, дипломатия и война не смогли этот союз защитить. И когда началась решающая борьба за Независимость, почему она была отмечена такой стойкостью, единством, последовательностью и преданностью и увенчалась таким счастливым успехом? Потому что она проводилась на определенных четко обозначенных и справедливых принципах. Эти принципы содержатся в Декларации независимости. Этот документ занимает в моем сознании такое же место по отношению к науке управления, что и Библия в разделе «религии». Ясная и правдивая, простая, но глубокая, она является лучшей экспозицией прав человека и подлинной теории правления, которую только производил мир.

Теперь несколько слов об успехе революции. Очень очевидно, что для полноты определения предмета необходим благоприятный исход движения. Уже упоминалось, что успешное восстание – это революция, а неудачное восстание – измена. Это верно только в юридическом

смысле, а то и только в отношении государства, где оно произошло.

В юридическом смысле ирландцы были предателями Великобритании, галлантные поляки – предателями трех держав, а венгры – предателями Австрии. Но в нравственном суждении мира они были защитниками правых и друзьями человечества.

Самые успешные революции – это те, которые правильно начаты и остановились, когда зашли достаточно далеко.

Далее о результатах революций. Эта тема уже обсуждалась нами. Остается лишь сделать несколько замечаний.

Поразительным фактом является то, что три из четырех великих персонажей, участвовавших в революциях республик, вышли из этих революций с коронами на головах. Цезарь в тот же момент, как ступил на руины Римской республики, воздвиг корону римского императора на свое чело. Кромвель использовал Содружество и Протекторат как каменную лестницу к трону Британской империи, и приобрел все, кроме титула короля. Первый консул и император Франции был обязан своим императорским достоинством разгону Конвента его военными отрядами.

Наш собственный Вашингтон не получал и не желал таких игрушек: без короны, без трона, без титула, кроме «Отца своей страны», он жил до самой смерти, «первый на войне, первый в мире и первый в сердцах своих соотечественников!» Какой это памятник! – «Сердца его соотечественников». Памятник, который будет жить и вызывать трепет, и сохранять свою славу, когда гранитные арки и медные колонны проржавеют и разрушатся под неизбежным ходом времени. Своим возвышением и чистотой своей славы он обязан не прозаике и разорению собственного народа, а успехам в его сохранении, своему патриотизму и любви к рациональной свободе.

Мягкий успех справедливой революции вдохновляет все человечество на

¹ Георг III – король Великобритании (25 октября 1760 – 1 января 1801) и Соединённого королевства Великобритании и Ирландии (1 января 1801 – 29 января 1820).

деждой и бодростью, в то время как бедствия одного неправильно управляемого укрепляют деспотизм и поражают страхом охлажденное сердце миллионов.

Наконец, что касается умозаключений, которые должны быть вынесены из рассмотренного предмета. Большой частью они указаны в ходе обсуждения. Три ведущими идеями, которые следует вывести как необходимые для каждой благотворной революции, являются честность цели, необходимость в обстоятельствах и умеренность в поведении.

Я говорил, что в человеческой природе больше добра, чем зла. Я скажу то же самое о революциях, говоря о них как о явлении. Если бы можно было сделать общее среднее значение их результатов и последствий для человеческой судьбы, если бы мы могли сбалансировать их счета, я думаю, что столбец прибыли превзошел бы столбец убытков. Иначе

мы бы противоречили истории, унизили Человека и подвергли импичменту само Провидение. Но несмотря на это, я должен отметить, что в конкретном случае бывает так, что иностранное подчинение является меньшим злом, чем плохо начатая революция, плохо проведенная и плохо законченная.

Президент Соединенных Штатов считал нужным попросить вас отправиться в этот день перед престолом Божественной благодати, «в это время нужды нашей», молясь Господу о помощи, умоляя Его отвести революционное зло, которым мы угрожаем. Многие из вас выполнили свои обязательства. Моя собственная молитва заключалась в том, чтобы эта горькая чаша миновала нас. Но если это невозможно и должно случиться, то пусть мы, с Божьей помощью, будем вести себя так, чтобы не быть погребенными под руинами Истории.